
АРКАДИЙ АЛЕКСАНДРОВ
МОГИЛЬНИК

Аркадий Александров
Могильник

https://litres.ru/74749408
SelfPub; 2026

Аннотация

Кому и для чего на самом деле предназначалось оборудование, бесследно исчезнувшее в пути? Дерзкий налёт, из которого главный герой спасается лишь чудом, — и хитросплетение тайных игр спецслужб разных стран: «медовая ловушка», похищения, загадочный могильник А рядом, в самой гуще событий, — совсем неожиданные их участники. Здесь даже простой дворник может оказаться мастером единоборств, а скромный продавец рыбы — офицером спецслужб За каждым из них стоит своя тайна, своя роль в опасной игре, где ничто не является тем, чем кажется и чем кажется быть не должно.

Аркадий Александров
Могильник

Глава 1.

Я ненавижу рейсы. А особенно ночные. Особенно когда ты вдруг экспедитор, а водитель — угрюмый мужик по имени Серёга, который считает, что «Слепая зона» — это не сериал, а инструкция по эксплуатации.

Я чисто офисный работник, менеджер, а не экспедитор какой-то там. Но периодически, по прихоти начальства, приходится в него играться.

Сопровождать грузы – совсем не мое призвание. Впрочем и офисная работа не совсем то, о чем я в детстве мечтал. Нет, космонавтом я не хотел быть, но протирать штаны, вглядываясь в квадратики Exel, тоже не было пределом мечтаний. Однако вот уже чуть больше десяти лет я именно этим и занимаюсь.

Я менеджер по продажам промышленного оборудования в ООО «Вектор-Ресурс». Моя жизнь состоит из таблиц, звонков клиентам («Да, мы привезём вам фильтры на следующей неделе!») и попыток не сдохнуть от тоски в съёмной однушке в Текстильщиках. Полгода назад, я развёлся и теперь моя главная цель каждой недели — дожить до пятницы, чтобы выпить пива с дядей Мишей во дворе.

Моя компания торгует насосами, фильтрами и буровыми

коронками для нефтяников и газовиков, геологов и строителей. Мы — типичный бизнес-карлик, «перекупы»: офис в промзоне, склад в Люберцах, директор Виктор Павлович, который считает себя гением логистики, хотя просто умеет вовремя подлизывать зад нужным людям. Часть дел я веду в офисе, часть – дома, со своего ноута. Это повелось с ковидных времен, мне понравилась «удаленка», да и шеф не возражает. Однако ноут приходится таскать все время с собой, да и на работе оставляю его частенько. В нашей компании и среди наших партнеров никто не удивляется странным грузам или наличке в конвертах. В нашем мире это называется «оптимизация».

Недавно я вернулся из отпуска. Был на Алтае, пытаясь перезагрузить истерзанный торговыми махинациями мозг. Две недели пешком по Чуйскому тракту, костры, звёзды... Там я познакомился с Анькой. Она достаточно, но не сильно умна, красива, сексуальна и почему-то выбрала именно меня для своих прогулок. При этом она оказалась весьма спортивной и подготовленной для пеших прогулок с рюкзаком и ночевок в палатке.

Я помню, как на третий день у меня лопнул ремешок на трекинговом ботинке. Я сел на камень и чуть не расплакался. А она подошла, молча достала из своего рюкзака — профессионального, с какими-то альпинистскими карабинами — моток репшнура и мультитул. Перевязала мне ботинок так, что он сел как влитой. Она не ныла в походе. Она не

мазала лицо кремом от загара. Когда вдруг пошел ледяной дождь, она поставила палатку за три минуты, пока я путался в растяжках. Она разводила костер из сырых дров так, будто делала это каждое утро на своей кухне.

Проживает она в Одинцовском округе, работает в IT-сфере. Я думал, это чисто отпускной роман, мимолетная интрижка. Оказалось — нет. Мы продолжили встречаться. И даже как-то я просил ее залезть в мой ноут, сказав пароль – святая святых, хоть там и ничего секретного – глянуть некоторые установки.

Вообще отпуск был хорош. Но Аня улетела раньше на несколько дней, а я еще понаслаждался бездельем на турбазе. На обратном пути, в аэропорту даже познакомился с интересным человеком.

Две недели автономки сделали из меня дикаря, но не просветленного, а скорей злого. Плечи ныли от рюкзака, который, казалось, весил больше, чем моя бывшая жена со всеми её вещами. Рюкзак был старым, взятым на прокат, и пах костром, мокрой шерстью и свободой. В Москве меня ждала только пустая однушка и шеф Витя с его неустойками. И это было хуже алтайской дикой природы!

Я тогда стоял у стойки регистрации, пытаясь понять, почему посадочный талон не сканируется, когда услышал этот звук. Сухой, рваный треск, похожий на выстрел. Тяжелая сумка на колесиках — одна из тех, в которых телевизионщики возят свои камеры и свет — грохнулась на пол. Из неё, как

кишки из вспоротого брюха кабана, вывалились мотки проводов, аккумуляторы и огромный объектив, который смотрел на меня стеклянным, мертвым глазом.

Владелец — долговязый мужик в мятом льняном пиджаке — стоял над этим хаосом и матерился шепотом. Так ругаются только интеллигенты, когда понимают, что их слышат дети.

— Ремень, — процедил он сквозь зубы, глядя на лопнувшую стропу. — Сука.

Народ обходил его стороной, как лужу рвоты. Очередь сзади начала глухо роптать.

— Мужчина, вы проходите или как? — проскрипела тетка за стойкой.

Я посмотрел на свой рюкзак, с внешней стороны которого была приторочена «спина» — широкий нейлоновый пояс, который я снял, чтобы не выглядеть совсем уж туристом в здании аэровокзала. Он лежал в боковом кармане рюкзака.

— Погоди, — сказал я мужику.

Он поднял на меня взгляд. Глаза красные, веки дергаются. Классический недосып человека, который гоняется за инфоповодами.

— Не трогайте, — буркнул он. — Это профессиональная техника. Она дороже вашей почки.

— Да я и не претендую, — усмехнулся я. — У меня только насосное оборудование. Дайте сюда.

Я забрал у него остатки ремня, достал свой пояс. Хорошая

штука, с фастексами.

— У вас там в сумке что, труп? — спросил я, пытаясь продеть стропу через металлическое кольцо тележки. — Весит, как чугунный мост.

— Хуже, — выдохнул мужик. Он присел рядом, загораживая меня от очереди широкой спиной и заговорческим шепотом вымолвил. — Правда про коррупцию. Только тссс, — он приложил палец к губам, и это выглядело так нелепо посреди гула аэропорта, что я невольно улыбнулся.

А он залихватски подмигнул. Тем временем я затянул «грейпвайн» — туристический узел, который не ползет под нагрузкой. Еще две недели назад я даже и не предполагал, что могут существовать какие-то узлы.

— Готово, — сказал я, поднимаясь. — Только не перегружайте больше.

Он подергал ремень. Сумка стояла мертво. Он посмотрел на меня, потом на мой рюкзак, потом снова на меня.

— Кто ты, Рэмбо? — спросил он, закидывая сумку на плечо. — Спецназовец-любитель?

— Я менеджер по продажам промышленой фигни .— вздохнул я, закидывая свой рюкзак. — Самая скучная работа на свете. Просто в отпуске был.

Он протянул мне широкую, сухую ладонь.

— Артем Воронцов, журналист.

— Илья Громов.

Он отпустил мою руку и полез во внутренний карман пи-

джака. Достал потертую кожаную визитницу.

— Если у тебя окажется правда, которая никому не нужна, — он протянул мне картонный прямоугольник. На нем было написано «Артем Воронцов. Независимый журналист» и номер мобильного.

Я взял визитку и вздохнул:

— Кому интересна правда?

— Ты удивишься, — он подхватил свою сумку. — Кому-то до нее всегда есть дело.

Он махнул рукой и пошел к выходу на посадку, слегка припадая на одну ногу из-за тяжелой сумки.

…А сейчас я качу в кабине грузовика. До Нижнего Новгорода еще пилить и пилить, но мы уже проскочили Владимир. Ночь, трасса пустая, в кабине пахнет дешевым ароматизатором и безнадегой. В кузове — паллеты с титановыми буровыми коронками и прочими разными нефте-строй-геологическими ништяками. Витя, наш гендиректор, лично провожал нас у ворот склада в Люберцах.

— Илья, — напутствовал он, поправляя дурацкий галстук. — Заказчик нервный, а груз дорогой. Отправлять его «железкой» — ждать очереди. Сторонними доставщиками тоже так себе. Ну, сам понимаешь. Учти, если груз встанет хоть на час, мы попадаем на неустойку. Ну, сам понимаешь, наша неустойка это твоя неустойка. Так что, давай!

Я кисло улыбнулся и кивнул. Я всегда киваю. Это профессиональное заболевание менеджеров среднего звена —

кивать, пока тебе вешают лапшу на уши. Впрочем, такая командировка после отпуска будет только способствовать перезагрузке мозгов.

Мы тряслись по какой-то «второстепенке», свернув с трассы – навигатор проложил нам более короткий маршрут. В темноте нас обогнал светлый неприметный седан, его красные габариты споро умчались вдаль.

— Давно за нами пилил. – кивнул вслед ему Серега.

Я кивнул сквозь дрему – глаза начинали слипаться, шел третий час ночи.

— Совсем охренели. – послышалось бормотание Сергея. – Уже по ночам на второстепенках шерстят!

Я открыл глаза и всмотрелся в набегающую тьму, отсекаемую желтоватым светом фар. Впереди, на обочине маячила белая «Лада» с синей полосой. Рядом — фигура в светоотражающем жилете, с полосатым жезлом, гостеприимно призывая нас остановится на обочине.

Серёга сбросил скорость, с шипением мы встали. Серега открыл дверь.

— Старший лейтенант Петров, — донеслось снаружи. — Документики на машину. Что везем?

Серега протянул свои права, документы на машину, путевку. Ответил:

— Оборудование. На север. Вам-то чего не спится, командир?

— Выйдите из машины и захватите накладные. Откройте

кузов, посмотрим, что за оборудование.

Серега оглянулся на меня и споро выскочил из машины. Послышался его настороженный голос, в котором сквозило возмущение:

— Слышь, командир, а чегой-то вы вдруг груз-то досматриваете? Это ж не ваше дело-то, а? Алле, тогда уж понятых давайте!

В этот момент в мою дверь постучали. Я выглянул в окно, там стоял второй «гаец».

— Выйдите тоже, пожалуйста. – вежливо произнес он.

Я вздохнул и выпрыгнул из кабины на мягкую обочину. Летняя ночь пахла теплым асфальтом и полынью. Поведение патрульных сильно настораживало – «гайцы» не досматривают грузы. Если и есть какой контроль на трассе, то это могут быть росгвардейцы, следаки, прокурорские, опера. И то с понятыми. Поэтому я напрягся. Витя сказал, что «изделия повышенной прочности для геологоразведки». Звучит немного бредово, но платят хорошо.

Я прошел к кузову. Серега взглянул на меня и пробурчал: «Ну, что, открывать?». Я завис. С одной стороны — не положено. Досмотр груза ночью, без понятых, да еще и ГИБДД, а не опера. Подбросить что-нибудь в ящики — раз плюнуть. С другой — если начну качать права, вызовут ментов. Те упрутся рогом. Кузов всё равно вскроют, а потом потащат на стоянку «до выяснения». А это потеря времени и неустойка. А неустойка, как справедливо заметил Витя, вычитается

из моей премии. Я вздохнул. Тридцать четыре года, высшее образование, десять лет в продажах. Я кивнул Сергею, мол, открывай.

«Гайцы» посветили в кузов фонариками, потыкали желтыми лучами в деревянные ящики с маркировкой. Чуть задержались на трафарете «Изделия повышенной прочности», конечно же, ничего в этом не поняли.

— Вот и чудненько, — сказал старлей. — Закрывайте.

Серега принялся закрывать фуру, а я молча развернувшись, направился к кабине. Уже взявшись за прохладную ручку двери, услышал сзади голос:

— Минуточку.

Я оглянулся. В мертвенно-бледном свете луны стоял гаишник, направив на меня… пистолет! Глубокая и абсолютно черная точка дульного среза смотрела мне точно в лицо.

Ноги мгновенно стали ватными. В голове сверкнула мысль: «Витя нас подставил, чтобы получит страховку! Нас грабят!». Убьют?! Но зачем убивать?! Обычно таких, как мы, просто выкидывают из машины. Мы видели их лица! Вот зачем убивать!

Я даже не понял как, но ноги сами спружинили, кинув меня за обочину. И одновременно с этим грянул гром, сверкнуло и мир исчез. Словно выключили рубильник.

…Первым пришел запах. Резкий, хвойный, бьющий в нос так, что свело скулы. Пахло сырой землей, сухими листьями и чем-то сладковато-медицинским — то ли йодом, то ли

просто моей собственной кровью. Голова гудела, как трансформаторная будка, в которую засунули отбойный молоток.

Я попытался пошевелить рукой, но не смог. Лицо царапало что-то жесткое и колючее. Кажется ветки или еловый лапник. Я лежал лицом в кустах, заваленный ветками. Кто-то явно пытался спрятать мое тело, но поленился копать яму и просто накидал на меня лесной мусор. Ветви давили на грудь, не давая глубоко вдохнуть. Воздух выходил со свистом, а вот вдохнуть получалось только наполовину.

Попытка перевернуться на спину отозвалась взрывом в затылке. Перед глазами поплыли желтые круги. Я провел рукой по лицу. Пальцы наткнулись на липкую корку. Волосы на виске слиплись. Кровь. Полузапекшаяся, густая, пахнущая железом. Она была везде: на щеке, на воротнике рубашки, на манжете.

Я со стоном перекатился на бок, разгребая ветки. Локти вязли в прелой хвое. Наконец я выбрался из завала и сел, подтянув колени к груди. Меня мутило.

Начинался рассвет. Солнце еще не встало, но небо на востоке посерело, превратив ночь из черной в грязно-синюю. Сквозь переплетение сосновых веток над головой я видел эту бледную полосу. Утренняя сырость пробирала до костей, рубашка насквозь пропиталась холодной росой. Мир вокруг был неестественно тихим. Птицы еще не проснулись, только где-то на шоссе, за деревьями одиноко прогудела фура. Звук казался инопланетным.

Я огляделся. «Скания» исчезла. Кругом темный лес. За деревьями промелькнули фары – видимо там шоссе, где нас с Серегой тормознули эти псевдогайцы…

А потом я увидел его. Серёга лежал там же, от куда только что выполз я, под кучей веток. Он лежал на животе, неловко подвернув под себя левую руку. Правая была вытянута вдоль тела, пальцы скрючены, словно он пытался вцепиться в землю. Его рабочая куртка с люминесцентными полосами на спине сбилась комом. Голова повернута на бок.

Я на четвереньках, не обращая внимания на впивающиеся в коленный чашечки твердые корневища, пополз к нему.

— Серёг, — просипел я. Голос сорвался. — Серый, ты жив?.

Я дотянулся до его плеча и тряхнул. Ткань куртки была мокрой и холодной. В полумраке я не сразу понял, что с его лицом. А когда понял, желчь подступила к горлу. У него не было глаз. Точнее, они были, но выглядели как два мутных стеклянных шарика, закатившихся под лоб. В переносице чернела точка… А там, где должен был быть затылок, зияла черная, влажная дыра, от которой по волосам и воротнику разошелся темный, густой кисель...

Я отшатнулся, упав на спину и задышал часто-часто, как выброшенная на берег рыба. Нас не просто ограбили. Они убили Серёгу. Холодно, буднично, как ненужного свидетеля. И меня они тоже убили. Просто я, в отличие от напарника, оказался необычайно везучим. Необычайно! Я дернулся од-

новременно с выстрелом и пуля прошла по касательной. И они решили, что я мертв. Не делая контрольных выстрелов, нас просто отволокли с шоссе за деревья и закидали ветками. А потом уехали на нашей фуре.

Я сидел на сырой земле, раскачиваясь из стороны в сторону, и смотрел на мертвого водителя. В голове билась одна мысль, абсолютно идиотская и неуместная: «Сегодня пятница и дядя Миша останется без компании».

Я снова дотронулся до головы. Пальцы погрузились в спутанные волосы, склеенные запекшейся кровью. Рана уже не кровила, превратившись в мерзкую, липкую корку, стягивающую кожу.

Я — Илья Громов. Я торгую насосами и прочей хренью. Я менеджер. Я знаю, как работает логистика. Но не знаю, как оказывать первую помощь, я не умею вызывать спецназ по рации, и я понятия не имею, как хоронить людей. Однако я понимал другое. Если те, кто это сделал, поймут, что я выжил, они вернутся. А Витя... Витя, который так переживал за неустойку, сейчас наверняка уже строчит заявление в полицию о пропаже двух сотрудников и угнанном грузовике. Хотя от куда он может знать…

Стоп! Трекинг! Витя может отслеживать местоположения «Скании»! Нужно срочно ему сообщить, что нас обнесли! Я посмотрел на свои руки. Они были черными от земли и крови. Рассвет набирал силу. Скоро здесь будет светло.

К черту рассвет! Что за мысли! Я полез в карман, где

обычно у меня лежал телефон. Но он был пуст. Я ощупал себя со всех сторон – все карманы были пустые. Черт! Моя сумка с документами осталась в кабине грузовика!

Я встал. Меня повело в сторону, пришлось ухватиться за ствол тонкой березки.

Господи! О чем я вообще думаю! При чем тут Витя?! Нужно сообщить в полицию! Пусть менты разбираются!

Я развернулся и, шатаясь, побрел к шоссе, прочь от тела Серёги. Мысли бились в гудящей голове. А если они не просто угнали фуру? Ведь они же могли знать о трекинге, вещь по нынешним временам обычная. И сейчас они едут так, что Витя в Москве видит идеальную картинку. Они убили нас, забрали телефон, и кто-то сидит в кабине, имитируя наши звонки. Может же быть такое? Вполне возможно!

Но может быть и так, что фура стоит где-то на пустыре уже разгруженная и буровые коронки преспокойненько катят себе в другом грузовике в неизвестном направлении. И этот вариант более реалистичный.

Я споткнулся и чуть не упал, оперся о ствол сосны, ощутив липкую смолу на пальцах. Эта встряска переключила тумблер в голове. Кому вообще понадобилась узкоспециализированная геологическая техника? Эти коронки? Кто-то решил хапнуть их по дешевке для нелегального бурения? Бред. Чтобы окупить такой риск, нужно украсть слитки золота, а не куски металла, которые потом хрен кому продашь. Да, коронки дорогущие, они из титана, твою мать! Но их,

что, повезут сдавать в пункт приема цветмета? Чушь какая-то!

Я отлип от сосны и посмотрел на свои руки. Они тряслись. Витя отправил меня сопровождать титановые коронки. Коронки пропали. Я торчу в лесу, перемазанный собственной кровью и грязью. А трекер... Трекер, скорее всего, показывает Виктору Павловичу, что Илья Сергеевич просто решил срезать путь по проселочным дорогам. И Витя, выспавшись, через пару часов начнет названивать. И кто-то — хриплым, сонным голосом «Ильи Громова» ответит, что всё пучком, просто попали в дорожные ремонтные работы, потому и срезаем.

… Я вывалился из леса на обочину шоссе, едва не рухнув под колеса несущейся легковушки, под оглушительный рев сигнала. Асфальт показался мне теплым после сырой земли. В ушах стоял монотонный звон, а перед глазами плыли темные пятна.

Слева, из-за поворота, показались фары. Я, шатаясь, выпрямился, поднял руку. Голосовать в начале пятого утра, в рассветной дымке, на второстепенке — занятие для самоубийц или отчаявшихся. Сейчас я, кажется, совмещал обе роли.

Первая машина — старая «Газель» с тентом — даже не притормозила, обдав меня сизым облаком выхлопа. Вторая — тонированная «девятка» — вильнула в сторону. Водитель явно решил, что я леший, которого собратья выгнали из род-

ной чащобы.

Наверное так же решили и водилы нескольких последующих машин. Наконец, когда я уже, отчаявшись, начал думать, чтобы еще предпринять, белая пыльная «Тойота» сбросила скорость. Я сделал шаг на проезжую часть, выставив ладони вперед.

— Помогите! — просипел я. — Угнали... убили...

«Тойота» остановилась метрах в десяти от меня. Водительская дверь открылась. Из машины выбрался мужик лет пятидесяти, в куртке, несмотря на лето. Лицо помятое, глаза красные — человек, проведший всю ночь за рулем. Он не спешил подходить, держал дистанцию.

— Тебе чего, братан? — голос немного сиплый, настороженный. — Ты откуда такой красивый? Бомжуешь? Или что случилось?

Я качнулся. Ноги отказывались держать вес тела. Я шагнул вперед и оперся о горячий капот «Тойоты».

— Грузовик... — слова давались с трудом, горло пересохло. — «Скания». Угнали. Напарника... застрелили. Меня выкинули. В лесополосе... там... — ткнул пальцем в сторону леса, хотя сам толком не понимал, где именно мы лежали. попытался сделать шаг, чтобы показать, но колени подогнулись.

Я сел на землю, привалившись к колесу. Мужик выругался сквозь зубы, быстро оглядел пустое шоссе и подошел ближе. Он не трогал меня, просто смотрел сверху вниз. Его

взгляд скользнул по моей окровавленной голове, по грязной рубашке, по дрожащим рукам.

— Куда звонить? — спросил он, доставая смартфон. — В полицию или скорую?

— В полицию... — я попытался сфокусировать взгляд на нем.

— Давай сначала разберемся. Тебя как зовут?

— Илья... Громов.

— Куда ехал-то, Илья Громов?

— Далеко ехал. Ну, ближайшая точка – Нижний... Оборудование везли, коронки.

Я вдруг осекся. Зачем я это говорю? Зачем я рассказываю первому встречному про груз? Но мозг отказывался фильтровать речь. Адреналин схлынул, оставив после себя только звенящую пустоту и тошноту.

— Коронки? Зубные, что ль? — мужик хмыкнул, но без издевки. Скорее, к слову пришлось.

— Они убили Серёгу, — слова вырвались сами, и я почувствовал, как к горлу подкатывает ком. — Просто подошли и... бах. А я... я видел их. Лицо видел. Старлей Петров. Документы просил...

— Тихо, тихо, — мужик положил свою тяжелую, теплую ладонь мне на плечо. — Не гони. Если видел — ментам расскажешь.

Я судорожно кивнул. Его спокойствие пугало и успокаивало одновременно. Он не истерил. Он оценивал ситуацию.

И принял решение.

— Держи, — он сунул мне в руку свой смартфон. — Сам звони, сам представляйся.

Пальцы не слушались. Трясушейся рукой я набрал 112. Гудок.

— Служба спасения, дежурный оператор, что у вас случилось? — раздался в динамике бодрый, но казенный женский голос.

И тут мир начал сужаться. Звон в ушах превратился в писк комара. Но писк очень громкий. Свет от восходящего солнца вдруг стал невыносимо ярким, резал глаза.

— Алло… — просипел я в трубку. — Меня... нас... — Горло перехватило.

Я попытался вдохнуть, но воздух застрял где-то в груди.

— Молодой человек, вы меня слышите? Сохраняйте спокойствие, — голос оператора стал тише, словно уходил под воду.

— Они забрали фуру, — прошептал я, глядя на мужика. — Трекер... Витя думает, что мы едем…

Я перевел взгляд на дорогу. Асфальт начал пульсировать, поднимаясь и опускаясь. А писк в ушах перерос в нарастающий свист.

— Эй! — крикнул водитель. — Эй, не вздумай! Держись!

Последнее, что я почувствовал — как его рука снова хватает меня за плечо, не давая завалиться на бок. И темнота вернулась. Но на этот раз она была мягкой и теплой Она не

просто выключила свет, а накрыла с головой ватным одеялом, спасая от необходимости объяснять полиции, почему я до сих пор жив.

Глава 2.

Сейчас я лежу на своей кровати в съёмной однушке на улице Чистова, в Текстилях. Потолок в желтых разводах от соседей сверху выглядит как карта неизвестного архипелага. Кроме меня, территория занята Аней. Заняла она ареал целиком: на кухне гудит посудомойка и чайник, в ванной стоят её кремы и висит фен, а в воздухе пахнет не моим одиночеством, а чем-то съестным, её духами и почему-то больничной хлоркой.

Вся предыдущая неделя — это сплошной рваный калейдоскоп, который мой мозг отказывается собирать в единую картинку. Сознание возвращалось кусками, как плохо склеенная кинопленка.

Всё слиплось в один липкий ком. Вой сирены «Скорой», которую вызвал тот самый мужик на белой «Тойоте». Холодный свет люминесцентных ламп в приёмном покое больницы. Тупая, пульсирующая боль в затылке, которая отдавала в глаза при каждом движении.

Потом были менты. Им сообщили из больницы. Появился следователь — молодой парень с лицом стажера, но глазами старой, уставшей собаки. Он просто сидел на краю койки, от него пахло дешевым кофе и пустыми надеждами.

— Илья Сергеевич, — говорил он в сотый раз. — Давайте еще раз. Вы вышли из кабины. Они посмотрели груз, выстрел. Вы очнулись в лесу. Вы уверены, что это был люди в форме ДПС? Старший лейтенант Петров?

Я кивал. Я всегда киваю. Это профессиональное заболевание менеджеров среднего звена. Меня не подозревали, хотя, как я понял некоторые сомнения в моей непричастности были – уж слишком везучим я выглядел после того, как выжил от близкого выстрела. Но я был все же потерпевшим. Потерпевшим, у которого в голове вместо мозгов — овсянка. Врачи называли это «ушиб головного мозга». Еще произносили слово «контузия». Я бы назвал это «хочу сдохнуть, только бы прекратилась эта хрень».

Все воспоминания о произошедшем кошмаре были смазаны, словно я просматривал фильм через грязное стекло. Единственное, что я помнил кристально четко — это Серёга. Иногда, проваливаясь в дремоту, я снова видел его затылок. Тот самый «густой кисель». И в эти моменты меня начинало трясти так, что звенели стойки капельницы. Это не был просто страх. Это было животное, первобытное омерзение. Понимание того, что человек это просто мешок с костями, который очень легко проткнуть. Мы с Серёгой месяц назад спорили из-за того, кто пойдет за сигаретами в ларь у склада. А теперь его нет. Просто потому, что я дернулся за долю секунды до выстрела, а он нет. Лотерея смерти, в которой я вытянул счастливый билет, но выигрыш оказался так себе.

Ужас от того, что я чуть не сдох, пришел позже. Он подкрадывался по ночам. Я просыпался от того, что задыхался. Мне казалось, что ветки всё еще давят на грудь, не давая вдохнуть. Я вскакивал и в ночной темноте пытался рассмотреть свои руки — нет ли на них запекшейся крови. Я был жив. Но это «жив» ощущалось как системная ошибка. Я не должен был дышать.

На третий день, когда голова начала соображать чуть яснее, я попросил телефон у соседа по палате — деда с переломом шейки бедра. Я набрал Виктора Павловича. Был день, за окном чирикали воробьи.

— Слушаю! — голос Вити звучал так, будто он только что выпил ведро валерьянки.

— Витя. Это Илья.

Пауза. Такая длинная, что я услышал, как на том конце провода работает кондиционер.

— Илюха? Господи... Илья... Ты где? Мне звонили из конторы, сказали, «Сканию» угнали. Потом перегрузили груз и сожгли где-то в лесу. Серёга... — он сглотнул. — А ты в больнице. Живой.

— Витя, это были не гайцы, — просипел я. — Это была подстава.

— Я знаю, Илья, — перебил он. Голос его вдруг стал жестким, деловым. — Я всё знаю. Короче, лечись, сколько нужно. Ни о чем не думай. Груз застрахован и от такого случая тоже. Я уже напряг юриста, чтобы собирал все, что нужно

для страховой. Я все решу. Короче, выздоравливай.

Он бросил трубку. Я вздохнул «Я всё решу». Классика. Сейчас он «решит» так, что я окажусь виноватым в угоне собственной фуры…

Следующий звонок Ане. Я набрал номер, готовясь сказать: «Ань, всё кончено, забудь меня, я токсичный актив».

— Илюша? — её голос был сонным, как будто она только что проснулась.

— Привет, Ань. Слушай, тут такое дело… Короче, я в больнице. В каком-то Гороховце. У нас на трасе произошло… Э-э… Короче, у меня контузия… - промямлил я.

— В какой больнице? В Гороховце? — переспросила она через секунду. Голос мгновенно стал стальным. Никакой паники. Никаких «ой, да ты что?». — Я приеду. Жди.

Она примчалась на следующее утро, видимо выехала ночью. Я увидел её через окно, когда медсестра разносила градусники. Она шла по больничному двору в строгом бежевом платье, с идеально прямой спиной. Она не выглядела как рыдающая любовница. Скорей напоминала аудитора, пришедший закрывать убыточный филиал.

Буквально через полчасак в палату зашела завотделением.

— Илья Сергеевич, вас забирают. Нужно подписать отказ от дальнейшего лечения. Выписка сейчас будет готова. — сказала он, поправляя очки. — Состояние у вас стабильное, транспортировка вам не противопоказана. Но я настоятельно рекомендую...

— Я всё поняла, — перебила его Аня, появившаяся в этот момент в палате. — Мы берем ответственность на себя. Собирайте документы.

Она подошла ко мне, поцеловала в щеку и сказала:

— Почему не сказал, что в тебя стреляли? Когда врач мне об этом сообщил, думала грохнусь в обморок!

Взгляд суровый и обеспокоенный.

— Ну… Не хотел пугать. – пробормотал я.

Когда мы вышли на улицу, яркое солнце ударило по глазам. Я щурился, как крот. Она вела свой подержанный «Фольксваген» молча. Я смотрел в окно на пролетающие мимо заправки.

— Тебя уволят? — вдруг спросила она, не отрывая взгляд от дороги.

Я пожал плечами и ответил:

— Вряд ли.

— Могут попытаться закрыть, как соучастника.

— Могут. Хотя пока что об этом речь не шла.

— Это пока. А как возникнет у них «висяк», так и хапнут первого попавшегося. А ты весьма подходящая фигура, если не для организатора, то для наводчика уж точно. — она повернула голову, мазнув взглядом по моему лицу.

В глазах не было беспокойства или страха. Там была холодная, расчетливая ярость. Я закрыл глаза. Боль в затылке снова запульсировала.

— Знаешь, — ответил я, — когда тебя полумертвого за-

кидывают ветками в лесу, все кругом как-то стирается. И нет мысли о том, что заподозрят в соучастии. Хотя этот следователь с глазами спаниеля вначале, похоже, думал об этом. Но, видимо, потом у них там что-то прояснилось и он, как мне кажется, от этой мысли отказался.

— Похоже, видимо, кажется, вроде как… — пробурчала Аня. — Лишь твои догадки…

… И вот я дома, в Текстилях. Аня со мной, изображает мать Терезу. Или жену декабриста? Сарказм ситуации заключается в том, что я выжил при выстреле в упор и не загнулся в лесу. Но теперь возникла неожиданная проблема — моя новая девушка оказалась слишком идеальной, а от моего босса, с которым мы давно вместе, неизвестно чего ожидать.

М-да… Отпуск на Алтае определенно удался. Как и командировка. Я перезагрузился так, что заводские настройки полетели к чертям и теперь стали подгружаться новые...

… Я вынырнул из вязкого, потного кошмара, хватая ртом воздух. Опять. Снова этот кадр — Серёга, лежащий на животе, и его затылок, превратившийся в густую, влажную дыру. Мозг, видимо, решил, что если я не могу переварить это наяву, то буду давиться этим во сне.

Тяжело дыша, я сел на кровати. Простыня была мокрой. Аньки рядом не было. В квартире стояла та самая глухая, предрассветная тишина, которая бывает только в панельных домах — не гудят лифты, не шумят на улице машины, нет голосов из соседних квартир и даже алкаши во дворе, ка-

жется, уснули прямо на лавочках. Но сквозь щель в дверном проеме кухни просачивался мертвенный, голубоватый свет. Как от сварочной дуги. Как из прозекторской.

Я встал, накинув на плечи одеяло, и пошлепал босыми ногами по холодному линолеуму.

Она сидела за моим столом. Спина идеально прямая, плечи напряжены. Свет от монитора выхватывал из полумрака острые скулы и делал её лицо похожим на посмертную маску. Я бы не удивился, найдя её ночью за компом — всё-таки IT-сфера, люди там живут в другом часовом поясе. Да только ноутбук был мой, с потертым логотипом на крышке.

И стояла темная ночь. Часы на стене в коридоре показывали полтретьего. Я остановился в дверях, кутаясь в одеяло.

— Не спится? — голос спросонья прозвучал хрипло и чуждо.

Аня вздрогнула, но не обернулась. Её пальцы замерли над тачпадом. Голубой свет отразился в её глазах, сделав их абсолютно пустыми. Она смотрела в экран так, как смотрят на бомбу с тикающим механизмом.

Я стоял в дверном проеме, сжимая в кулаках скомканное одеяло, и смотрел на неё. Мозг, отравленный контузией и таблетками, работал на пределе. Я видел не просто девушку, которая не спит ночью. Я видел хищника, который поймал мышь, но решил поиграть с ней в темноте. Медленно, слишком медленно для человека, которого действительно застали врасплох, она повернула голову.

В полумраке кухни её лицо выглядело как полотно, написанное двумя разными художниками. Чуть приоткрытые губы, расширенные зрачки, взлетевшие брови… Она изображала чистый, неподдельный испуг. Но глаза... Глаза оставались холодными. Это был профессиональный, отработанный испуг официанта, которому на спину упала тарелка. Она владела собой. Полностью.

— Фу, напугал! — выдохнула она, прижав ладонь к груди. — Я аж подпрыгнула. Ты чего подкрадываешься, как тень? Сердце в пятки ушло.

— Извини, — голос всё ещё был хриплым со сна. — Не спится. Я не двинулся с места, продолжая загораживать собой выход. — Ань, что ты ищешь в моем ноуте?

Маска испуга на её лице дрогнула и осыпалась, как сухая штукатурка. Она моргнула, возвращая себе привычную невозмутимость.

— Ой, — она картинно всплеснула руками, но движение вышло смазанным. — Прости. Я свой не привезла, думала, утром заскочу домой, а тут клиент в Сиднее пишет. У них же там разгар рабочего дня. Горит контракт, нужно подтверждение по проге скинуть, пока они не передумали.

Она говорила быстро, слишком быстро, заполняя тишину словами, как монтажной пеной. Профессиональная деформация «айтишника» или привычка лгать? Я не понимал. Но ясно было одно – она отчаянно пыталась перехватить инициативу.

— Ань, — я перебивая её щебет про Сидней. — Полтретьего ночи. Какой Сидней?

— Я ж говорю, у нас ночь, у них — разгар дня. Прикинь разницу во времени – снова защебетала она.

На секунду в её взгляде мелькнуло раздражение — хищник, которому испортили охоту. Но оно тут же сменилось заботой. Она плавно, без резких движений, закрыла крышку моего ноутбука. Звук щелчка прозвучал в тишине кухни как выстрел.

— Ты сам-то почему не спишь? — её голос стал мягким, бархатным. Она встала из-за стола и сделала шаг ко мне. В её движениях была грация кошки. — Опять он? Серёга?

Я инстинктивно отступил на шаг назад, упершись поясницей в косяк. Близость её тела сейчас пугала больше, чем пистолет «старлея Петрова».

— Да, — выдавил я. — Снова эта... дыра в голове.

Она тут же подалась вперёд, сокращая дистанцию, которую я только что создал. Положила свои прохладные ладони мне на плечи поверх одеяла.

— Илья, — её лицо стало серьезным, почти врачебным. — Так нельзя. Ты загоняешь себя в угол. Это не просто плохой сон, это посттравматика. Тебе нужна помощь.

Она мягко, но настойчиво повлекла меня обратно в сторону спальни. Её пальцы впивались в мои руки чуть сильнее, чем требовала забота. Это был контроль.

— Найдем хорошего психолога, — продолжала она, заво-

дя меня в комнату и усаживая на край кровати. — У меня есть знакомая. У нее еще школьная подруга работает в реабилитационном центре. Там есть психологи, которые работают именно с такой спецификой. Ну, с силовиками, с людьми после горячих точек. А ты для них вообще легкотня! – она махнула рукой, усмехнувшись и продолжила:

— Возможно, тебе просто ужно выговориться. Нужно закрыть этот гештальт, иначе он тебя сожрет.

Она говорила о «гештальтах» и «реабилитации» так, будто мы обсуждали установку нового софта.

— И лечиться нужно, Илюш. — Она кивнула на тумбочку, где лежали блистеры с таблетками. — Контузия это не шутка. Там внутри сейчас всё перемешалось. Нейронные связи, химия мозга... Тебе врач в Вязниках целую лекцию прочитал про посттравматический шум, помнишь?

Она села рядом. Слишком близко. Тепло её бедра обожгло меня сквозь тонкую ткань ее пижамных штанов.

— Ложись, — прошептала она, проводя рукой по моим спутанным волосам. — Я побуду здесь. Просто полежи. Дыши.

Я позволил уложить себя на подушку. В нос ударил запах её шампуня — какой-то химический лемонграсс. Она переключилась. Мгновенно. Только что её поймали чуть ли не на взломе, а вот она уже мой лечащий врач, моя сиделка, моя спасительница, моя няня. Она не оправдывалась, а просто сменила тему, как переключают телеканал, когда начинается

реклама.

Я смотрел в потолок, чувствуя, как её пальцы перебирают мои волосы, и понимал очевидную, но весьма неприятную вещь. Она не врала про психологов. Она действительно собиралась меня лечить. Более того –она реально права – мне действительно нужна помощь грамотного «мозгоправа». Но от одного лишь осознания того, что кто-то будет копаться в моих истерзанных мозгах, по спине бежали мурашки…

…Дни тянулись, как жвачка под подошвой. Аня превратила мою берлогу в подобие хосписа. Она скользила по квартире в моих футболках, которые на ней выглядели как заношенные вечерние платья, и меняла маски быстрее, чем повязки на моей многострадальной голове. Утром — заботливая медсестра, которая подносит микстуру на чайной ложечке, щупает лоб, причитает над моим питанием. Днем — рациональная домохозяйка: моет полы, сортирует мои носки по цветам, словно готовит их к аукциону, гремит посудой на кухне. К вечеру, словно мать родная, укрывает пледом, гладит по голове, где волосы еще остались и рассказывает, какой я сильный мальчик.

Секса не было. Мне как-то не до того — голова гудела, а тошнота оставалась моим постоянным спутником. Аня не настаивала. В этом было что-то пугающе профессиональное. Хорошая медсестра не лезет к пациенту с ласками, когда у него лихорадка. Она просто следит за капельницей.

Самым унизительным был ритуал перевязки.

— Не дергайся, — командовала она, натягивая резиновые перчатки с резким щелчком. Часть головы была выбрита неровными клоками, создавая иллюзию, что я пережил схватку с бешеной газонокосилкой. Швы она обрабатывала хлоргексидином. Запах больницы, смешанный с запахом моей старой квартиры, бил в нос. Она промокала шов салфеткой, от которой несло мертвечиной и дешевым спиртом, а потом лепила пластырь.

— Вот так, — говорила она, чмокая меня в макушку. — Мой боец.

«Боец». От этого слова меня передергивало. Я не боец. Я — менеджер, «офисный планктон»…

Я больше не поднимал вопроса про ночное бдение за моим ноутом. Тем более, что она притащила свой — серебристый, тонкий, агрессивно-деловой. Однако осадок остался.

Дело было не в секретах. Какие у меня секреты? Таблица дебиторки в Excel? История браузера, состоящая из «купить носки оптом» и «причины насморка»? Нет, меня бесил сам факт взлома. Это как если бы кто-то зашел к тебе в ванную, пока ты чистишь зубы. Вроде ничего не украли, но плевать в раковину теперь хочется принципиально.

И вот однажды неё закончились какие-то части ее гардероба и она, нацепив маску «я быстро», укатила к себе на квартиру. Видимо, там осталась её коллекция святой воды и, возможно, даже осиновых кольев.

Оставшись один, я почувствовал себя резидентом в тылу

врага. Мой старенький ноутбук всё ещё пах её «лечебным» лемонграссом и ждал моего вмешательства.

Я открыл крышку. Руки слегка подрагивали — то ли от таблеток, то ли от банального нетерпения. План был прост, как телячье мычание: история браузера. Если она заходила в почту, если она что-то гуглила — след должен остаться.

Я зашел в настройки. Клик. История. И тут меня постигло разочарование, горькое, как микстура от кашля. История была подчищена! Я прокрутил список вниз. До той ночи шел аккуратный, скучный цифровой след офисного планктона, мой след до момента, когда я выехал с Серегой. Всё на месте. А дальше – полнейшая стерильность! Вместо той ночи зияла пустошь.

Я открыл вкладку «Загрузки». Только то, что скачивал еще я до этой жуткой командировки. Я открыл «Недавние документы». Опять -0 лишь мои прежние, по датам – еще до отъезда. Я полез в скрытые папки темп-файлов. Все тоже самое!

И тут меня накрыло. Это была уже не просто обида за личное пространство. Это была паранойя. Холодная, липкая, пахнущая больничной уткой.

Если она почистила историю, значит, там было что-то, что я не должен был увидеть. Что она могла искать в моем компе? Или куда она с него залезала? Если бы она просто зашла в свою почту, чтобы связаться с Сиднеем, то не чистила бы историю. Она искала файлы? Но какие файлы могут быть у

менеджера по продаже насосов?! И мы не такая уж крупная компания, чтобы что-то у нас тырить!

Я захлопнул крышку ноутбука. Звук показался мне оглушительным, как выстрел в склепе. Кто она? Сейчас она медсестра. Или архивариус? И мой мозг, мой травмированный, набитый таблетками мозг — это просто очередной архив, который ей нужно систематизировать.

В замке входной двери заскрежетал ключ. Я дернулся, как от удара током, и едва успел накинуть на ноутбук полотенце, изображая глубокий, медикаментозный сон в кресле.

Она вошла, звеня пакетами.

— Я взяла твои любимые пельмени, — пропела она из прихожей. — И мазь. Шов у тебя подживает, надо мазью мазать, помнишь, доктор говорил? Я открыл глаза. Улыбнулся.

— Ты святая, Ань. Просто святая.

Она прошла на кухню, начала греметь кастрюлями. А я смотрел на её спину и впервые за всё это время — с того самого момента, как она подсела ко мне у костра на Алтае — попытался сложить два и два.

Алтай. Я поехал туда, чтобы нажраться водки, надышаться хвоей и забыть, как бывшая жена делит диван. Я был рыхлым, офисным мясом, которое задыхалось под рюкзаком на третьем километре подъема. А она...

Она демонстрировала навыки не девочки-припевочки из IT. Это навыки бывалого туриста. Или человека, который служил. Она знала как ориентироваться по обычному маг-

нитному компасу, как паковать рюкзак, чтобы спина не отвалилась к вечеру. Она пила ледяную воду из ручья и даже не морщилась.

А потом мы спустились в цивилизацию. И она переоделась. Стёрла с лица сажу, надела легкое платье, сделала селфи на фоне гор и превратилась в обычную городскую Аню. В ту самую Аню, которая сейчас сыплет пельмени в кипяток и мурлычет под нос какой-то попсовый мотивчик. Она умела не только менять одежду, но и саму себя.

Я силюсь понять не кто она такая. Сам того не понимая, я пытаюсь понять, что она из себя представляет. Какую функцию выполняет.

Что я о ней знаю по факту? Список получается до смешного коротким. До позорного.

Она не глупа. Мозги у неё работают быстрее, чем у меня даже до сотрясения.

Она работает в IT-сфере. Настолько абстрактно, что это может означать что угодно — от написания кода для Пентагона до администрирования форума нянечек детского сада из пригорода какого нибудь Усть-Камне-Наливайска.

С ней мне хорошо в постели. Это мой единственный достоверный факт. Когда она стягивала с себя то платье, когда её пальцы оказывались у меня в волосах, она была абсолютно настоящей. В ней не было фальши. Там она не играла роль. Или играла?

Живет в области. В обычной квартире. И всё. На этом —

всё! Я не знаю, где она училась. Не знаю её родителей. Не знаю, почему она одна. Она никогда не говорила о прошлом. На Алтае она рассказывала смешные истории про коллег, но может это были такие же картонные декорации, как и её «клиент из Сиднея»?

Она появилась в моей жизни как функция. Сначала — как функция «отпускной роман». Пришла и заполнила пустоту. И так и ушла бы, но мы продолжили. Мы? Или она? Гхм… Потом — как функция «спасатель». Вытащила из больницы, привезла домой. Теперь — функция «сиделка-контролер».

Но зачем? Зачем ей возиться со мной? С разведенным менеджером, от которого пахнет дешевым стиральным порошком и непонятными перспективами? Она могла бы найти кого угодно. Кого-то чуть моложе, гораздо богаче и на данный момент гораздо здоровее.

Но она здесь. Она трет мне спину мочалкой в ванной, она считает мои таблетки, отмеряет микстуру. И чистит историю браузера на моем компе. Блин…

Я смотрел, как она выкладывает пельмени на тарелку. Движения точные, выверенные. Ни одного лишнего жеста.

Если она — волк в овечьей шкуре, то почему она так старается? Волки не носят овцам мазь для шва. Волки перегрызают горло и сжирают жертву. А я жертва? А она волк? Но зачем я ей? Я – никто! Обычный обыватель! Среднестатистический!

А если она просто хорошая баба? Обычная, заботливая,

хорошая. А если она влюбилась, потому что любовь зла и сердцу не прикажешь?

Но хорошие бабы не чистят логи. Хорошие бабы не знают, как вязать узлы на башмаке и разводить костер под дождем. Хотя… От куда я знаю? Может она хорошая баба из другого круга и другого слоя…

— Ужинать! — крикнула она с кухни. — Иди за стол, пока горячее. Тебе нужно восстанавливать массу, ты становишься похож на узника Бухенвальда.

Я встал с кресла. Полотенце соскользнуло с ноутбука на пол. Она вышла из кухни, увидела полотенце на полу, подняла его, сложила ровным квадратом и положила на подлокотник.

В этом жесте было столько домашнего, нормального уюта, что мне стало по-настоящему страшно. Потому что человек, который умеет так идеально складывать полотенца и так профессионально заметать цифровые следы, не может быть настоящим. Или у меня разыгралась настоящая глубокая паранойя?

— Иду, — сказал я. — Святая ты моя женщина.

Глава 3.

Я лежал в кровати и пялился в телек. Там шла какая-то новостная нудятина, но переключать программы было лень. Дожил! Кнопку на пульте нажимать лень! На кухне монотонно гудит посудомойка. На стене негромко шуршит кондици-

онер. За окном слышится негромкий рокот автомобилей.

И весь этот дневной шум погружал меня в невеселые мысли. Я не мог отделаться от воспоминаний о ее пальцах на «клаве» моего ноута. Этот сухой, костяной стук клавиш посреди ночи. «У них же там разгар рабочего дня. Горит контракт». Сидней. Разница во времени….

Мысль щелкнула в голове, как тумблер, который я безуспешно пытался нащупать последние три дня. Разница во времени! Я рывком сел. Голова на пару секунд закружилась, сдвинув комнату, но все быстро вернулось. Сердце, только-только успокоившееся от таблеток, снова заколотилось о ребра. Разница во времени!

Запрос на коронки Витя скинул мне на личную почту. Я тогда еще удивился, почему не на корпоративную. Но я был в отпуске, на Алтае, связь ловилась только на турбазе. Ноутбук я не брал и открыл письмо с телефона. Но ломать глаза не стал, щурясь на PDF-файл, и занялся им по возвращению, используя свой личный ноут. В офисный комп я его даже не заливал. Более того – переписка велась в мое нерабочее время. Потому что когда у нас утро, у них там глубокая ночь. А утро у них тогда, когда мы уже готовимся спать. Разница во времени! Поэтому я работал с личного ноута, борясь со сном, из своей квартиры. Спецификация, правки, согласования, технические характеристики и прочее.

Я подошел к комоду, взял с него ноут и устроился обратно в кровати. Открыл крышку, система тихо пискнула. Руки

слегка подрагивали. Я зашел в папку «Загрузки», отмотал историю назад. Вот они. Письма от какой-то «СеверСтрой-Партнер». Файлы по спецификациям и прочему. Я открыл их.

Когда оформляешь такой груз, то в основном обращаешь внимание на чисто коммерческие параметры – стоимость, вес, объем, расходы по доставке и прочие подобные вещи. Сейчас же я искал то, что… А что я ищу? Сам не знаю… Но хотелось бы понять – что такого было в кузове, из-за чего погиб Серега, а я отправился на койку.

Титановые буровые коронки. Алмазные коронки. О, еще алмазные расширители. Какие-то емкости для бурового раствора, большие, на пятьсот литров. Армированные «рукава» высокого давления. Два погружных насоса для агрессивных сред. И два просто насоса. Какие-то еще инструменты по мелочи…

Я откинулся на спинку кресла. Гхм… Я не силен в геологии. Но когда торгуешь подобным оборудованием, немного начинаешь разбираться. В моей голове начал вертеться калейдоскоп невеселых мыслей. Я принялся шарить по поисковикам, вбивая названия оборудования, которое числилось в накладных. Полчаса беглого просмотра подтвердили мои мысли.

Коронки берут керн, образцы. А все остальное нужно, чтобы прогрызть что-то основательно твердое, монолитное. Например, гранит. И для этого нужны буры, которые грызут

породу в пыль. Если бурить основательно и глубоко, нужны насосы и «рукава», чтобы выкачивать грунтовые воды и растворенный грунт. А еще насосы и «рукава» нужны, чтобы закачивать и промывать.

Мое внимание зацепилось за графу «Грузополучатель». ООО «СибТехМонтаж», город Северск в Томской области. При этом рандеву с представителями этого ООО у нас было назначено в Рубцовске. А это Алтайский край. Я вспомнил, что когда увидел пункт назначения, еще подумал – снова Алтай! Подразумевалось, что мы передадим груз представителям получателя именно в Рубцовске.

Я снова отправился в дебри интернета. Итак, Северск. Там химический комбинат. Кругом тайга, основные магистрали в стороне. Ага, крупное ЗАТО. Ну, что ж, это объясняет, почему мы должны были перегрузится не в самом Северске – в ЗАТО могли не пропустить просто так, возможно туда должен был бы нужен пропуск. И информации в интернете не много из-за этого же. Но зачем им оборудование для бурения чего-то весьма твердого?

Ну, хорошо. А что там в Рубцовске? Я вбил в поисковой строке адрес из транспортной накладной – переезд Прудской. И увиденное меня озадачило. Судя по карте, это был район железной дороги, старые депо. На экране отобразились серые квадратики и прямоугольники, изображающие ряды ангаров. А судя по описаниям из нескольких сайтов, стало понятно, что это чуть ли не самая депрессивная часть

города. Я прям ощутил пронизывающий ветер, запах креозота, скрип старых вагонов, уныло стоящих в лабиринтах ржавых путей. А кругом грязно-серые бетонные заборы и пыльные проулки, где вечно воняет жженым мазутом и мочой. Брррр!..

Даже умственно отсталому ежику понятно, что нормальные компании с оборотом в десятки миллионов там не базируются! И даже такая временная перевалочная база – это ниже их достоинства! Витя, сука, что ты подписал? Ты куда меня отправил?!

С другой стороны и Витю понять можно. Заказ крупный, деньги хорошие. Очень! Витя, увидев маржу в сорок процентов и «серьезных людей», даже не проверил их. Название «СибТехМонтаж» звучит одновременно солидно и максимально скучно. Такие названия не вызывают подозрений у рядового менеджера, вроде меня. И у директора бизнес-карлика, банального «перекупа», вроде Вити.

Так-с! Посмотрим дальше. Я принялся искать более-менее адекватную информацию по названию «СибТехМонтаж». Но ничего вразумительного найти не мог! Да как такто?! Результатов – полный ноль!

Я изменил запрос на «СеверСтройПартнер». Поисковая страница моргнула. И снова ноль результатов. В реестре юридических лиц по ИНН, который был забит в спецификации, значилась регистрация трехлетней давности, нулевая отчетность и пометка «сведения недостоверны».

Воздух в комнате стал густым, как варево для холодца. Это уже не «серая схема». Это классические «фирмы-прокладки». Это все оболочка, созданная только для того, чтобы принять груз, расписаться в накладной и исчезнуть. И это очень сильно напоминало старый добрый классический «кидок»! Витя, тлять! Ты сколько налом получил, сука?!

Следующая мысль вонзилась в затылок ледяной острой сосулькой. Налет на трассе не был случайностью! Они знали, что мы поедем именно там. Но откуда?! Мы шли так, как показывал навигатор! Мы свернули на «второстепенку» лишь потому, что бездушный женский голос сказал «Найден более короткий маршрут. Поверните направо». Мы не планировали этого заранее!

И тут я вспомнил. Серый седан! Тот, что обогнал нас на этой самой «второстепенки»! Серега еще сказал, что он давно за нами ехал. В темноте, в свете фар, все белые машины кажутся серыми. Наляпать заранее подготовленные синие полосы и поставить (даже не крепить!) мигалку на крышу – дело нескольких минут! А форму можно надеть заранее. Они следили за нами с самого начала! И лишь ждали удобного случая!

И что? Без Вити не обошлось? Он знал, что нас должны грохнуть и спокойненько отправил? Я и Серёга просто статистическая погрешность?

Тварь!

Я молча откинулся на подушки и уставился в желтые раз-

воды на потолке. Но почему нас ограбили не в Рубцовске? Там даже предпочтительнее – полузаброшенная «промка», место просто идеальное, в отличии от шоссе, пусть и второстепенного.

Я снова сел и принялся шарить в ноуте, прокладывая маршрут между Рубцовском и Северском. Результат был одновременно забавным и ошеломляющим. По автодорогам – около 800 километров! Ахренеть! На грузовике пилить примерно 11–12 часов. Причем это без учета длительных остановок, пробок и проверок на дорогах. И зачем устраивать рандеву для перегруза на таком отдалении от конечного пункта? Еще один квадратик в пазл!

А Аня? Вряд ли она искала в моем ноуте компромат на меня. Ну, кто я такой? Скорей всего она искала спецификацию груза и пункты назначения. Она предполагала, что документы по этому странному грузу могут быть только здесь, потому что я — ленивый менеджер, который таскает работу за собой на личном устройстве. Она проверяла, куда на самом деле должен был ехать наш грузовик и что он вез. Но для чего? Зачем ей это? Кто она такая?

Я с силой захлопнул крышку ноутбука. Звук получился сухим и резким, словно стукнула крышка гроба. И одновременно с этим стуком в мозгу сверкнула отчаянная мысль – я уцелевший свидетель налета и единственный человек, у которого на руках остались цифровые следы этой фальшивки!

Я почувствовал, как похолодели кончики пальцев на но-

гах, по спине пробежал холодок, а сердце застучало под кадыком. Свидетелей убивают! Особенно таких свидетелей! Людей, которые стали свидетелями многомиллионной аферы с грабежом и убийством, многоходовой комбинации, в которой задействовано черти сколько людей!

За спиной щелкнул замок входной двери. Послышалось шуршание полиэтиленовых пакетов. Она даже не хлопнула дверью, входя с улицы. Я не стал оборачиваться. Я просто полусидел в кровати, опершись вспотевшей спиной на подушки и глядя на закрытый ноутбук. И вдруг понял, что чувствую не страх. Простой холодный страх был секунду назад, но сейчас… Сейчас я чувствовал ледяной, острый, как алмазная коронка, ужас.

Аня вошла в коридор, и запах улицы — выхлопы, пыль и нагретый асфальт — на секунду перебил стерильный «лечебный» лемонграсс моей квартиры.

— Я взяла рыбные котлеты, — пропела она уже из кухни.

Голос был слишком бодрым, слишком домашним. Я не ответил. А она прошла на кухню, начала греметь посудой. Хлопнула дверца микроволновки. Звякнула ложка о тарелку.

— Илюш? — снова этот мягкий, бархатный тон. — Ты чего такой тихий? Таблетки выпил? Иди за стол.

Я молча встал. Пол бросился под ноги. Я прошел на кухню, прихватив с собой комп, и тяжело опустился на табурет. Она стояла у открытого холодильника, что-то туда уклады-

вая. Спина прямая, движения точные. Ни одного лишнего жеста.

Она достала из микроволновки тарелку с котлетами, рядом поставила миску с помидорами и зеленью, села напротив. Положила свою прохладную ладонь поверх моей.

— Ну? Как дела? Чего хмурый?

Я аккуратно, но твердо убрал свою руку из-под ее. И что ей сказать? Что спросить?

— Ань, — мой голос прозвучал хрипло. Я прочистил горло. — Гхм… Это… Как дела?

Она удивленно вскинула брови.

— Илюш, у тебя все в порядке? – она потянулась к хлебнице.

Я помолчал секунду, потом взял ноут и открыл его, пошарил, нашел файлы, которые только что просматривал, развернул экран к ней.

— Ты это искала тогда, ночью? И каковы были успехи?

Ее рука, тянувшаяся за куском черного хлеба, замерла на полпути. Она подняла на меня глаза. Маска «заботливой женушки» не дрогнула, но из глаз мгновенно исчезла вся теплота. Там стало пусто и холодно.

— В смысле? — она чуть наклонила голову, и эта ее привычка, которая раньше казалась мне очаровательной, сейчас выглядела как сканирование цели. — Илюш, у тебя температура? Опять голова кружится?

— Не надо, — я поморщился и покачал головой. — Пре-

крати. Я лежал и думал. Я просмотрел ноут. Ты убрала всю историю с того самого дня.

Она смотрела на экран ноутбука, потом на меня. Секунда. Две. А потом она рассмеялась. Легко, звонко.

— Илья, ты бредишь. Зачем мне это? Зачем мне твои файлы? Я зашла почту проверить, у меня там клиент...

— Да, якобы клиент, якобы в Сиднее. Но зачем ты тогда историю чистила? — я перебил.

Она перестала смеяться. Взяла ложку, начала медленно водить ею по сметане, размазывая белые круги.

— Ты ударился сильнее, чем я думала. Тебе мерещится шпионский роман. Ты подумал насчет психолога?

— Мерещится? Ха! – воскликнул я, помолчал и продолжил:

— Алтай. Почему ты выбрала меня в том походе? Я рыхлое офисное тесто. Я под рюкзакоом задыхался на третьем километре. Я чуть не сдох от растерряности, когда у меня лопнул ремешок на ботинке. А ты... Ты пила ледяную воду из ручья и не морщилась. Ты вязала узлы, которые я в жизни не видел. Ты с первого раза ловко паковала рюкзак так, что там ничего не болталось и он плотно сидел на спине. Ты лютый турист? Однако ты нне рассказывала о своих прошлых походных достижениях!

Она отложила ложку и выпрямилась, ответила:

— Но ты и не спрашивал. Да, я много хожу в походы,

Илюш. Это мое хобби.

— Да? А мне почему-то кажется, что твое хобби это менять маски быстрее, чем повязки на моей голове! — я подался вперед, глядя ей прямо в глаза. — Сначала ты девчонка с Алтая. При этом опытная туристка. Когда ты забирала меня из больницы, ты была, словно аудитор, пришедшая закрывать филиал. Словно жесткий и авторитарный руководитель предприятия. Но ты же просто работаешь кем-то в IT-сфере, а не командуешь отделами! Потом ты превратилась в медсестру. И любящую женщину. Что будет дальше, Аня? Пароли от банковских ячеек? Кстати, а кем ты работаешь?

— Слушай, у тебя точно паранойя! А работаю я начальником отдела в одной небольшой фирме. Мы занимаемся разработкой программ и их распространением. Руковожу, хоть и небольшим, но коллективом. И я такая, какая есть. В зависимости от обстановки и ситуации. В отпуске – я турист. В экстремальной ситуации, когда я примчалась к тебе в больницу, я быстрый и твердый организатор. Дома, ухаживая за тобой, я медсестра и любящая женщина. Ты чем-то недоволен?

— Я сильно озадачен, Ань. Я бы вообще ничего не заподозрил, если бы не застал тебя ночью за своим компом и если бы не стерла историю!

Она звонко рассмеялась и сказала:

— Следователь из тебя никакой! Ночью – потому что разница во времени. Твой ноут – потому что свой тогда еще не

принесла. Клиент из Сиднея. Ты понимаешь, что это значит? В нынешней-то обстановке? Такие клиенты сейчас от русских шарахаются, как от чумы! И его никак нельзя спугнуть! Он весьма и весьма н неплохо готов платить. История браузера? Привычка! Элемент коммерческой тайны, производственной безопасности. У нас правило – если что-то делаешь на стороннем устройстве – убирай след. Конечно, просто стереть историю это не совсем уж убрать, но хоть что-то. Тем более, что комп твой, с антивирусом. Теперь понял, шпион ты мой?

Я молчал. Объяснения были простыми, понятными и правдоподобными. Она смотрела на меня пристальным взглядом. В ее взгляде не было обиды. Там даже была какая-то жалость. Так смотрят на безнадежно больного, когда не хотят его сильно напугать.

— Но ты отчасти прав. Но лишь отчасти. — произнесла она совсенм тихим голосом, отведя взгляд. — Закончив с Сиднеем, я решила проверить, во что ты вляпался. Понимаешь, ну, мне подумалось, что промышленное оборудование так не крадут. Чтоб прям с убийством. Так могут ограбить фуру с телевизорами, оргтехникой, ну может с дорогими отделочными материалами. А вы же везли что? Что-то узкоспециализированное. Вот мне и подумалось, что дело нечисто. Я хотела понять, что вы везли. Я нашла документы по грузу. Но ничего не поняла. И лишь укрепилась в своих мыслях.

И тут меня прорвало! Я вывалил ей все свои заключения

по грузу, по покупателю и получателю, про Северск и Рубцовск, все подозрения о Вите, о налете. В заключении я жарко выпалил:

— Груз с расширителями для алмазного бурения? С насосами для агрессивных сред? Ань, я торговал этим говном десять лет. И я знаю, пусть и не в подробностях, как выглядит оборудование для проходки шахт. Это не геологоразведка. Это… Это… Это какое-то вскрытие! Какое-то… Э-э… Что-то… Это чуть ли не разработка!

Я тяжело дышал. Она задумчиво смотрела на меня и молчала. А я, отдышавшись, тихим голосом, продолжил:

— А еще, Ань, от меня лучше держаться подальше. Я теперь опасный и весьма нежелательный свидетель.

Она задумчиво помолчала и вдруг задорно произнесла:

— Пойдем пройдемся, — вдруг сказала она.

Я моргнул. После всего, что я только что высказал, после ледяного ужаса, который сковывал мне затылок, это предложение звучало как бред сумасшедшего.

— Куда? — прохрипел я.

— На улицу. Погода отличная. Тебе дышать надо, Илюш. Пора потихоньку выбираться из постельки.

Она выскользнула в прихожую и через минуту уже надевала кроссовки. В ее движениях не было ни капли нервозности. Спина прямая, плечи расправлены. Ни один мускул на лице не дрогнул. Она вела себя так, словно я просто пожаловался ей на зачесавшуюся пятку.

Воздух во дворе пах пыльными листьями и остывающим асфальтом. Солнце било сквозь кроны тополей, рисуя на земле рваные, шевелящиеся пятна. После полумрака подъезда этот свет резал глаза. Голова тут же отозвалась тупым гулом, но я упрямо шагал рядом, стараясь попадать в такт ее шагам.

У подъезда, методично гоняя пыль метлой, стоял наш дворник. Узкоглазый, тощий, в выцветшей оранжевой жилетке. Он появился здесь незадолго до моего отъезда на Алтай. Обычно я просто кидал ему «здрасьте», не глядя. Но сегодня он первым поймал мой взгляд, выпрямился и улыбнулся — широко, беззубо, по-детски открыто.

— Здравствуйте, соседи! — голос у него оказался неожиданно густым, бархатным. — Погода шепчет, да? Гулять надо, воздухом дышать. Голова, однако, сквозняк любит.

Я машинально кивнул. Аня же остановилась.

— Здравствуйте. Вы давно здесь работаете?

— Третий месяц. Хороший двор, тихий. Только машины гоняют, спасу нет.

Мы свернули на аллею. Шум Текстильщиков накатывал волнами: далекий вой электрички с Люблинской, надсадное рычание мотоцикла, шелест шин по горячему асфальту со стороны Волгоградки.

И в этот момент мир сузился до одного звука. Низкий, утробный рык восьмицилиндрового дизеля. Я обернулся через плечо. Черный пыльный внедорожник неторопливо дви-

гался, словно крался вдоль бордюра, метрах в двадцати от нас. Вдруг он взревел, резко скакнул вперед, вильнул и прыгнул на тротуар.

Время сломалось. Я видел быстро надвигающуюся решетку радиатора, покрытую серой городской пылью. Она стремительно росла, закрывая пространство. Мозг кричал, но ноги, ослабевшие от таблеток, контузии и увиденного, словно вросли в асфальт. Я даже не успел закрыть лицо руками.

А Аня среагировала мгновенно. Она двигалась быстрее, чем я мог отследить. Резкий, рваный вдох и мир переворачивается. Она срывает меня с места, как тряпичную куклу. Удар спиной о жесткую кору тополя выбивает из легких остатки воздуха.

Внедорожник пролетает мимо, буквально в сантиметре от нас, и с жутким скрежетом бьет бетонный столб освещения. Фара разлетается пластиковым крошевом.

Я сползаю по стволу на землю. Легкие горят, в ушах звенит. Я смотрю на свои руки — они дрожат так, что стучат друг о друга костяшками. Я жив. Я просто смотрю на черный пыльный бок машины, и меня начинает колотить истерика.

Двери внедорожника синхронно распахнулись. Из салона вывалились трое. Короткие стрижки, бугристая мускулатура, которую не скрыть футболками, челюсти, двигающиеся в ритме жвачки. Никакой паники от аварии, словно они вышли просто перекурить.

— Слышь, инвалид, — процедил тот, что шел впереди, глядя прямо на меня. пустыми рыбьими глазами. — Ты чо, зрение дома оставил? По сторонам смотреть кто будет? Ща накостыляем так, что маму родную не узнаешь. За бампер и фару башлять будешь.

Они начали расходиться полукругом, неумолимо надвигаясь на нас. Классика. Загнать, запугать, втоптать. Я зажмурился. Сейчас меня будут убивать на глазах у всех Текстилей.

— Эй, уважаемые! — раздался вдруг звонкий, почти веселый голос.

Я скосил глаза и увидел того самого дворника, который встретился нам у подъезда. Он стоял в пяти шагах позади них, все так же сжимая в руках свою метлу с обычным деревянным черенком.

— Зачем кричишь? Столб муниципальный поцарапал, дерево испугал. Ай, нехорошо. — продолжил он.

Троица обернулась, потом они переглянулись и заржали.

— Вали отсюда, чурка, — бросил один из них. — Пока метлу в задницу не засунули.

Дворник не обиделся. Он улыбнулся той же беззубой улыбкой и ответил:.

— Метла — инструмент нужный и нежный. В задницу нельзя. А вот так — можно.

Он не сделал замаха. Его тело просто взорвалось движением. Конец деревянного черенка ткнул переднего точно в

кадык. Хрустнуло. Парень выпучил глаза и рухнул на колени, захлебываясь беззвучным кашлем. И мгновенно получив тем же черенком в висок, завалился на бок.

Второй только начал поднимать руку, когда черенок плашмя с сухим стуком опустился ему на макушку и тут же концом врезался в солнечное сплетение. Рот у амбала распахнулся в беззвучном крике, глаза на мгновенье выпучились, потом зрачки уплыли в сторону, он сложился пополам и беззвучно осел в пыль.

Третий оказался чуть быстрее. Он успел выхватить из-за пояса кусок арматуры. Но дворник едва уловимым движением скользнул ему за спину, перехватил руку с железом, используя инерцию замаха, и добавил легкий, почти ласковый тычок коленом под коленную чашечку. Раздался влажный щелчок. Громила зарычал и рухнул мордой в асфальт, так и не выпустив арматуру из намертво сведенных судорогой пальцев. При этом, пока он падал, дворник добавил ему ускорение коротким тычком ноги в затылок.

Тишина. Только шелест листвы и далекий гул Волгоградки. Я сидел на земле, вжавшись спиной в дерево, и меня рвало. Не едой — чистым, первобытным ужасом. Меня трясло так, что зубы выбивали дробь. Я обхватил колени руками и прижал подбородок к ним, пытаясь удержать распадающиеся кости черепа. Я только что чуть не сдох. Снова.

Я поднял голову. Аня стояла в двух шагах от побоища. Она не кричала. Не закрывала рот руками. Она смотрела на

то, как худосочный дворник деловито, словно мешки с картошкой, уложил троих громил. Ее лицо было абсолютно спокойным. Только зрачки расширились, поглотив почти всю радужку, да ноздри едва заметно раздувались при каждом вдохе. Она стояла на полусогнутых ногах, вес тела перенесен на носки. Кулаки расслаблены, плечи опущены. Так не стоит испуганная женщина. Так стоит дикая пантера, оценивающая угрозу своей территории.

Дворник же улыбнулся нам и как ни в чем не бывало сказал:

— Пыльно сегодня. Уходить надо. Вы идите, гуляйте. А лучше домой. Сейчас полиция приедет, вопросы задавать будут. Зачем нам вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.